

Ночное небо окутано мглой, и в танце снежных хлопьев мир кажется призрачным и нереальным. Гун Фэйчжэн тихо усмехнулась, протянула руку и с хрустом сломала сухую ветку, с которой давно облетела листва. С веток посыпался скопившийся снег, но она даже не подумала отстраниться, позволяя холодным хлопьям оседать на одежде.

Сделав шаг, она ступила в своих матерчатых туфлях на заснеженный камень и, легко оттолкнувшись, грациозно скользнула вглубь леса.

Тишину разорвал свист рассекаемого воздуха — в круговерти снега мелькнул острый клинок, стремительный и яростный. Гун Фэйчжэн даже не взглянула в ту сторону. Она лишь взмахнула рукой, и сухая ветка в её ладони с безупречной точностью ударила в самое уязвимое место меча. Оружие легко отлетело в сторону, а сама Гун Фэйчжэн, используя инерцию движения, перекувырнулась в воздухе.

Гун Чэн коротко вскрикнула, резко затормозила, подняв целое облако снежной пыли, и тут же развернулась. Её меч, казалось, двигался быстрее самой девушки — подобно призраку, он снова устремился к облаченной в белое Гун Фэйчжэн.

Та не стала уклоняться. Она встретила острие меча своей веткой. Раздался глухой удар, и гибкий прут в руках Гун Фэйчжэн задрожал с невероятной частотой, словно поглощая всю мощь атаки. Гун Чэн почувствовала, как сила, способная расколоть камень, в одно мгновение испарилась, уйдя в никуда.

Удар, нацеленный на разрушение, вдруг наткнулся на пустоту. А ветка, только что сдерживавшая яростный выпад, изящно изогнулась и, словно живая, устремилась к шее Гун Чэн.

Шух!

Кора на ветке содралась, обнажая светлую древесину. Плавным, почти бесшумным движением прут оказался у самого горла девушки.

Гун Чэн сдалась. Она опустила меч, но гибкая ветка, словно обладая собственной волей, обвилась вокруг её шеи, словно мягкий ошейник.

Гун Фэйчжэн лукаво улыбнулась и потянула за конец прута. Гун Чэн невольно подалась вперед. В одно мгновение, взметнув полы красного платья и рассыпав по плечам смоляные волосы, она, словно небесная фея, оказалась в объятиях Гун Фэйчжэн.

— Возвращалась я как-то снежной ночью домой, — проговорила та, — и не думала, что по пути поймаю горную лисицу.

Гун Чэн, всё еще скованная веткой, бросила на неё косой взгляд. На её чистом, прекрасном

лице заиграла озорная улыбка.

— А я — лесная фея из Тяньшаня, — подыграла она, — пятьсот лет училась, чтобы принять человеческий облик и отплатить господину добром.

Гун Фэйчжэн слегка прищурилась, в её голосе зазвучали дразнящие нотки:

— У меня и так вокруг полно красавиц, одна только наследница Секты Демонов чего стоит — многих отпугнет. Ты, лесная фея, не боишься?

— Чего мне её бояться? У меня есть наставница, — Гун Чэн гордо вскинула подбородок.

Снег продолжал кружиться, крупные хлопья падали на её нежное, почти детское личико, таяли и стекали прозрачными каплями. Она смотрела в ночное небо, и в её глазах, влажных и сияющих, отражался свет звезд. Кожа, белая, как снег, тонкие, чуть упрямые губы — в этот миг Гун Фэйчжэн вдруг потеряла нить реальности.

Это странное, ошеломляющее чувство накрыло её с головой. Непреодолимое желание коснуться этих губ — было ли это ошибкой? Если бы только она не была дочерью Лю Даочжэна...

Гун Фэйчжэн всегда была дерзкой. Истинная, противоречивая, гордая и невозмутимая — так о ней говорила Цан Биюэ, и так чувствовала она сама. По крайней мере, рядом с Цан Биюэ.

Но сейчас она вдруг поняла, что вовсе не так уж она спокойна и независима. Стоило ей оказаться рядом с этой девушкой, как вся её уверенность испарилась. Она хотела поцеловать её, но медлила. Это открытие привело её в смятение. Гордая натура, привыкшая всегда быть на высоте, вдруг почувствовала, как теряет крылья. Когда дерзость сменяется нерешительностью, исчезает сам дух, составляющий суть личности.

Такому человеку противно смотреть на себя в зеркало. Гордость Гун Фэйчжэн была её собственной опорой, и если она проявит трусость — она перестанет быть собой. Это осознание рождало гнев — гнев на саму себя.

Не раздумывая больше, она властно притянула Гун Чэн к себе и коснулась её губ.

Тонкие губы, прохладные, но с удивительно сладким ароматом. Гун Чэн, казалось, застыла от неожиданности, распахнув свои ясные глаза. Она не отвечала, но и не отстранялась — возможно, девушка, выросшая в уединении, просто не знала, как реагировать.

Лишь тихий вздох сорвался с её губ — то ли от инстинкта, то ли от нехватки воздуха.

Гун Фэйчжэн отстранилась, глядя на зардевшееся лицо девушки, и довольно улыбнулась:

— Маленькая лисица, пошли домой.

Гун Чэн всё ещё стояла в оцепенении, её лицо горело, и лишь теперь до неё начало доходить, что только что произошло.

— Почему? — тихо спросила она, опуская глаза и теребя край одежды.

— Просто так. Пошли домой, — ответила Гун Фэйчжэн и зашагала по снегу.

Просто так. Захотела — поцеловала. Жизнь Гун Фэйчжэн должна быть именно такой — свободной, дерзкой, даже если перед ней дочь Лю Даочжэна.

Гун Чэн коснулась своих губ, ей казалось, что привкус поцелуя всё ещё остался на них. В голове всё кружилось.

Силуэт Гун Фэйчжэн уже отдалялся, растворяясь в снежной дымке. Гун Чэн улыбнулась, не стала использовать навыки полета, а побежала следом, как обычная девушка:

— Наставница, подожди меня!

Когда они вернулись в хижину, Гун Фэйчжэн сидела у окна с бамбуковой флейтой в руках. Мелодия песни Ночь в снегах звучала широко и величественно, передавая просторы земель за Великой стеной и пугающую красоту зимней ночи.

Гун Чэн молча села рядом, подперев щеку рукой. Гун Фэйчжэн смотрела в окно, на темное небо. Холодный ветер врвался в комнату, трепля её волосы, а снежинки, танцуя, оседали на плечах.

Хижина была пустой и ветхой, стены продувались насквозь, но рядом с Гун Фэйчжэн она казалась обителью небожителя. Гун Чэн вспомнила роскошное поместье Лю в Цзяннани — резные балки, расписные беседки, богатство и изыск. Неужели Гун Фэйчжэн все эти годы жила здесь одна?

Музыка смолкла.

— Наставница, вы все эти годы жили в этой лачуге?

Гун Фэйчжэн убрала флейту:

— Что, слишком просто для госпожи Лю?

— Я не это имела в виду. Просто вспомнила, как чуть не замерзла здесь, когда еще не владела боевыми искусствами. Думала, как же вы справлялись, когда были еще слабой. Завтра я нарублю дров и подлатаю дом.

— Не нужно. Скоро мы отправимся странствовать по миру, — Гун Фэйчжэн помолчала и добавила: — Перед смертью наставник дал мне задание. Пока я его не выполню, я не имею права использовать имя Гун Фэйчжэн в мире боевых искусств и должна совершенствоваться здесь, в уединении.

— Какое задание? — с любопытством спросила Гун Чэн.

Гун Фэйчжэн посмотрела на неё и промолчала. Поняв, что спросила лишнее, Гун Чэн поспешила сменить тему:

— А если мы выйдем в мир, на каком уровне будет моё мастерство?

— Твоя внутренняя энергия глубока, ты уже мастер первого уровня. В мире лишь главы великих сект смогут тягаться с тобой. Но тебе не хватает опыта реальных сражений. Искусство Бессмертной Секты требует гибкости, а ты полагаешься только на грубую силу своей энергии. Это нужно исправлять в бою, за день не научишься.

Гун Чэн смущенно потянула её за рукав:

— Я буду усердно тренироваться! Расскажите мне о мире боевых искусств. А-Лань немного рассказывала, но она сама мало что знает.

— История нынешнего мира началась пятьсот лет назад. Тогда появились два великих мастера: У Хэнь, служившая при дворе, и Фэн Сюэи, наследница Долины Десяти Тысяч Цветов. Они полюбили друг друга, ушли в горы и посвятили себя изучению боевых искусств. В зрелости они создали учение Тайцзи и основали Секту Тайцзи.

— Две женщины? Это удивительно, — прошептала Гун Чэн.

— Они не стремились к власти, поэтому учеников было мало, но каждый был мастером. Позже секта пришла в упадок, пока один из мастеров не развил теорию Пяти Стихий. Он разделил сложное учение Тайцзи на четыре системы: Металл, Дерево, Воду, Огонь и Землю. Так секта стала сильнейшей в мире. Но у них было правило: главой мог стать только тот, кто владеет истинным искусством Тайцзи. Под ним были пять хранителей стихий.

— Должно быть, глава был гением, — восхитилась Гун Чэн.

Гун Фэйчжэн горько усмехнулась:

— Гением? Пять стихий позволяли быстрее достичь мастерства, и главы, хоть и были талантливы, часто уступали в силе своим хранителям. Вскоре хранители захотели независимости, и великая секта распалась. Так появились Пять Сект.

— Какие именно?

— Секта Даньлин — стихия Воды, Секта Лъехо — Огонь, Секта Баван — Земля, Секта Ваджры — Металл, а Секта Деревя... это наша Секта Бессмертных.

— Невероятно! А что стало с ними потом?

— Они долго воевали, пока не истощили силы. Тогда они заключили перемирие: никто никого не трогает, пока не появится истинный наследник Секты Тайцзи.

— А сейчас это как-то влияет на мир?

— Это было триста лет назад. Конечно, они не сдержали слово. Секты начали дробиться, создавая новые школы. Поэтому сегодня мир так многолик.

Гун Фэйчжэн, казалось, устала и легла на кровать.

— А какие это школы? — Гун Чэн, заинтригованная, улеглась рядом — к счастью, кровать была одна.

Гун Фэйчжэн закрыла глаза:

— Спи.

— Ну, наставница!

Гун Фэйчжэн не отвечала. Гун Чэн, не выдержав, перевернулась на неё и заставила посмотреть на себя:

— Расскажите!

— Рань Абатянь относится к Секте Даньлин, клан Гуань — к Секте Ваджры, Крепость Янь — к Секте Баван, Школа Мастеров Талисманов — к Секте Лъехо. Чэн-эр, ты не могла бы слезть с меня?

— А как же Секта Бессмертных? — не унималась та.

Гун Фэйчжэн оттолкнула её:

— Надоела. Спи.

<http://bllate.org/book/21781/2252311>